АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ

ЧАЙ-ХАНЕ

МОСКОВСКИЙ ЦЕХ ПОЭТОВ
МОСКВА
1 9 2 7

Книга из библиотеки
Ильи Сазонова
1931 г. 1/IX
Москва

АЛЕКСАНДР ЧАЧИКОВ

ЧАЙ-ХАНЕ

МОСКОВСКИЙ ЦЕХ ПОЭТОВ
МОСКВА
1 9 2 7

Отпечатано в 16-ой типогр. „Мосполиграф“,
Трехпрудный, д. 9, в колич. 2.000 экз.
Москва. Главлит № 63.790.

* * *

Тебе, урмийский вилайет,
Мои тоскующие строки.
Тебе, амбал с лицом Куроки,
Кидаю северный привет!

Московы ветер, мягче дуй,
Лети пушинкой до Ирана,
Его встревоженные раны
И освежи, и поцелуй.

Скажи дождю (тебе он друг):
— Пролейся щедро над полями!
И пусть ликуют зеленями
Деревни смуглые вокруг.

За озером так грустно мне
Глядеть на белые равнины.
Твои дома из серой глины
Я вижу в беспокойном сне.

МУДЖАХИД.

Это было в сонном Реште,
Кто-то крикнул: „Живо, спешьтесь:
Рыжий враг огнем палит!“
У ржавеющей арыки
Чуть приглушенные крики.
Гляжу—ползет Ахмет.
Он прославлен за Гиляном,
И в отряде Кучук-хана
Самый дерзкий муджахид.
Он герой последних схваток,
День прощальный краток, краток:
Не поможет амулет.
К смерти ласковой готовый,
Истекает буйной кровью,
И, простреленный, хрипит.

Будут плакать в Ардебиле:
Черномазого убили.

* * *

В мечеть сзывают правоверных,
Восток—благоуханный лалл.
Шакал ребенком простонал,
А дни плывут печалью мерной.

Шербетной, раннею весной
Али ушел на север дальний.
Подобно сердце наковальне:
Чаще слышен перебой.

В зигзагах грязные арыки,
Как-будто дует кто в меха.
Устала ждать я жениха.

Заслышав утренние клики,
Али,
Тоскует твой джейран.
Чадра—свидетельница горя.

Проведала я в разговоре:
Узнал ты радость новых ран.

* *
*

Блестит, блестит иран-нишан,
А лента — луг зеленый.
Паша невесел — стройный стан,
Как тополь наклоненный.

Да это он грустит сейчас
О Мариам-хануме,
А блеск ее бенгальских глаз
Попрежнему угрюмит.

Пускай враги донос строчат
К воротам Тегерана.
Коней, коней! Скорей умчать,
Рассеять сердца рану!

И, раз'яренный, шлет приказ,
Чтобы ушар сбирали.
Гонцы, свершив немой намаз,—
Спешат в сырые дали.

МОССУЛ.

Саол тебе! муслиновый Моссул,
Приют моих, давно истлевших предков.
В вечерний час о них грущу нередко,
Разбойной жизни позабыв разгул.
На правом берегу реки могучей,
Оазисом взнесясь среди песков,—
Ты знал победы песнь. И гнет оков,—
Над Тигром столько раз смуглевших тучей.
За то, что прежде слыло Ниневией,
Дрались правители (был воздух—вой!)
Бросая таборы в последний бой.
Они давно ушли, они все неживые.
Но, гордый, бронзовой ты не склоняешь выи,—
Лишь для себя храня источник мировой!

* * *

Тавро на лошади любимой
Дороже долгожданных встреч.
Поводья выпустить и лечь,
И поскакать—сторожек мимо,
Как будто бесом одержимый!

Змеей бежит дорога в лагерь,
Палаток выстроился ряд;
Колеблются и говорят,
Жалеют о победном флаге,
О дерзостной своей отваге!

Грущу о родине далекой,
Но предков голоса зовут:
— Мы здесь нашли себе приют
И ты не будешь одиноким
На расцветающем Востоке!

К ТАВРИЗУ.

Люблю меняющийся ритм
И перебои нервных строчек:
Одна—длинней, затем—короче,—
Поэта сердцу говорит
О „Тысяче и Одной Ночи"...

— Коммивояжер, с желтым саквояжем,
Скоро станция Тавриз! —
А в купэ соседнем—в отчаянном раже—
Артист проезжий поэт „на-бис".

Я нечаянно вспомнил Вяльцеву
И шарманку у Никитских ворот.
Женщина с оборванным мальчиком
В город далекий идет.

Щелкнул серебряный замочек:
Вояжер вынул письмо.
Смотрит на любимый почерк,
Точно в венское трюмо.

Черный берег Хвалынского моря
Встал у него в мозгу.
Паровоз обессиленный вскоре
Зычное крикнул: „Гу-гу“.

Мы приближались к Тавризу.
Сердце усталое радо.
Вояжер думал о визе,
А мне вспоминалась Гренада!

* * *

Персидский чиновник с шафрановым лицом,
Осмотрев эшелон, сказал: „Якши"!
На небе ударил крепкий гром
В честь молодого паши.

В коричневом вагоне, прицепленном сзади,
Ехала союзная миссия.
Атташе были в ленточном параде,
И народ—посмотреть их—высыпал.

А паровоз, кляня горизонтали,
Насевшие одна на другую,—
Усталым шайтаном плелся все далее,
Запив в Сафьяне досаду злую.

Проснулся—озеро—пряное Шериф-хане.
Будем катера ждать мы невольно.
И от сознания, что я в чужой стране,
Стало и гордо, и больно!

УРМИЯ.

С проспекта Юрт-Шахе и Консульской Аллеи
Бежит крикливых, сонных улиц ряд.
Бродячие певцы о прошлом говорят,
О том, что жизнь была красивей и алее.
Шныряют псы, людей жестоких злее.

Не заблужусь я в этом лабиринте,
Чутьем отгадывая закоулки,
Когда в родном, знакомом переулке,
Чадру зеленую завижу смуглой Инты.

Вот муэдзин кричит пронзительно, убогий,—
Раскачиваясь на минарете:
— В мечеть спешите, старики и дети,
Аллаху дань воздать, всеведущему богу!
И все идут на пыльную дорогу.

СМЕРТЬ ВОЕНМОРА ДЕНГРОССЕ

На зеленом „Эрекли“
Подплываем к Ленкорани,
И в предутреннем тумане
Слышим огненное: „Пли!“

По борту бегут матросы,
Точно нерв, влекут канат.
Военмор лихой Денгроссе
Перестрелке встречной рад.

Он проплавал много лет,
Все ему знакомы рифы;
Он любил морские мифы
И терпеть не мог газет.

Скачут всадники у моря,
Быстро спешили коней,—
И услышали мы вскоре
Робкий шорох батарей.

Свисты пуль кому здесь страшны?
Военмор с высокой башни
Корректирует огонь.
Перед ним — в квадратах карта.
Своему доверясь фарту,
Он стоит, как гордый конь.

Одинаков говор пуль,
В взлете пламенном—шрапнели:
Первый номер метко целит,
Попадая в самый руль.

Стоп! Смятение у башни:
Синей кровию окрашен
Военморовский бушлат.
Сиротливо компас смотрит
На летящих справа по-три,—
Ничему теперь не рад.

Простыней окутан белой
И любовно, и умело,
„Эрекли", хозяин твой!
Будь же дерзким впредь и ныне,
Подражая субмарине
Непрестанно огневой!

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ.

Не тебе, рязанский соловей,
Петь ширазских роз благоуханье!
Персианки смуглое признанье
Не тебе, рязанский соловей!

Ты прошел, окинул только взором
Родину мою, желанную страну,—
Сердцем весь еще в своих просторах,
В васильками зацветающем плену.

Лишь чадра приветная мелкала:
Проходила Инта иль Гюляб,—
Вспоминал ты о платочках алых
Русских, говорливых баб.

А когда хозяин (сам хозяин!)
Наливал такой крепчайший чай,—
Мысли северные—через туманы—
Не в кабак ли мчались, невзначай?

Как тебе ни разу не приснилось,
Что амбалы в смерть изнемогли?
Или, может, это заслонили
Стебли серой, хмурой конопли.

Да, поэт. Они, к о н е ч н о, скрыли
Женщину, все ткущую ковер,—
Судей, чтоб купить деньгами милость,
И смягчить для мужа приговор.

Малышей, чуть протянувших руки,
Позабывших глиняный чурек,
Бедняков бездольных горе, муки,—
Ханский чем кончается набег.

Ты хотел раскрыть страны загадку,
Да на тари звонкой поиграть,—
Русскую гармошкою-двухрядкой
Обернулась наших песень мать!

* * *

Замолкли Гюлистана соловьи,
Шираза розы вмиг увяли:
Так песни лучшие земли—
Слова поэта отзвучали.

Омар, Саади и Гафиз
Его к себе на пир зазвали,
И гостю на своем фарси
Газеллы звонкие читали.

Голубоглазый, он стоял,
Чужие слушая мотивы,—
Но вспоминал родные нивы,
Избушку и погоста вал.

Вот, гармонист в рубахе алой,
Собрал и девок, и ребят.
Но силится поэт усталый
В деревню милую назад.

— Шербет!—хозяева в ладоши,—
И мальчик на подносе им,
Украшенном зеленой брошью,
Шербет подносит:—Эфендим!

— Не надо грусти, друг наш юный,
Взмахни же россыпью бровей!
Желаннее, чем тари струны,
Запел далекий соловей.

Все приближалась песня эта,
Гоня предутренний туман.
Встречали русского поэта
Мешед, Шираз и Гюлистан.

СЭВГЮ.

„Для влюбленного и Багдад недалеко".
Арабская пословица.

Фелюга вздрогнула, что яблоня весной,
Когда ее целует первый ветер,—
И море в ласковом, цветном привете
Спешит порадовать зурмухтною волной.
Ненужен берег нам, враждебный и больной,
Морские птицы, спойте о поэте.
А я с Гюльмирой, знайте, только дети,
Покинувшие край далекий, не родной!
Но весла, взмахивая, режут моря грудь.
Твоею коврик вышитый рукою,
Буль-буль моя, тогда разделим двое,
Забудем прошлого безрадостную жуть.
В ночи отраден аромат левкоя,
И для влюбленного к Багдаду близок путь.

НАРГИЛЕ.

1.

Едва припомню губы алые,—
И выйду вечером гулять.
Поймет кто душу запоздалую,
Родная ль приголубит мать?

Зигзаги улиц так приветливы,
И глаз знакомый маяка.
Она меня во мгле приметила—
Твоя горячая рука.

Пиастры блещут серебристее,
Запястье кажется кольцом.
Гляди-ка, парус дальний выстиран
Под утро хлынувшим дождем.

Не станут нам тогда свидетели
Ни море, ни ночная жуть,—
И в дом, где дверь сорвалась с петельки,
Войдем скорее отдохнуть.

2.

Ты принесла мне наргиле,
Шербет поставила любовно.
А там о чем-то пели волны
В далекой, синей полумгле.

Бесшумно косы распустила,
Легла на нежащий ковер.
И я послал растущей силы
Тебе такой знакомый взор.

Курили вместе уголь рдяный,
Затем, дурманные, легли,—
И унеслись в забвеньи пряном
От запорошенной земли.

Я увидал тебя в гареме
Паши эрзрумского. Потом
Пришло нам расставаться время:
В окно стучали серебром.

3.

Сильнее стал я на рассвете,
И бесконечно любить хочу.
Покорна будь же, словно дети,
Саол!—любовному мечу...

4.

Я не заметил, как мы вышли.
Чужим все кажется вокруг.
А мы совсем, совсем как пришлые.
Вчерашний безразличен друг.

Скорей дойти до перекрестка,
И каждый разно пусть свернет.
Но не забудем тел из воска
Отбронзированный переплет.

Может быть, это последняя встреча,
Или вечером опять придем?
Сердце гадает: „чет“ или „нечет“?
А в душу поэта врывается гром!

Разве стоит теперь любить и томиться?
Лучше, вспрыгнув в фелюгу,
Взмахнуть веслом!
Сердце мое—перелетная птица—
Бурям навстречу и напролом!

* *
*

Черных туч караван, караван
Раскинулся, небо нахмурив.
На море кудрявый туман,
Предвещающий бу-рю!

Загорелись янтарным огнем,
Переливаются четки.
И в соленом селяме—дождем—
Берег встречает лодки.

И паруса, заплатанные
Рукой шершавой моряка,—
Целует ласково, что брата,
Приплывшего издалека.

А мы вдвоем! Зачем страницы
Листает смуглая рука?
Но будет вздрагивать и злиться
Зрачек червонный маяка!

* * *

Ханум присела против ветра,
И ветер ей чадру откинул.

Глаза!
Искавшие Халила
Хоть ветром заметенный след!

На берегу—орешки кедра,
Влюбленный в небо минарет.

Ханум! Ханум!
Халила нет:
Он пал в бою под Керманшахом
Во имя смуглого аллаха.

Зачем не ты коснулась глаз,—
Вся трепетная и живая,—
Когда душа стремилась, тая,
И пыл бойцов последних гас?

* *
*

„Пущенная стрела не возвращается обратно".

Турецкая пословица.

В руке шаира прыгает калем.
Сегодня к старому султану,
В ленивый, праздничный гарем
Везут Зеиду, дочь Аслана.

Не видел месяц белого лица,
И солнце смуглое—не ранит:
По воле мудрого творца
Она женой любимой станет.

И семьдесят шестая кинет взгляд
Любезный, точно кубка яд.
А в некотором отдаленьи—
Забытых жен змеиное шипенье.

Знай, властелин: Босфор ревнивый ждет
Твое дряхлеющее тело,—
И в жилах старческих—гор отдаленных лед—
Наследники твои в ночи покончат смело.

Мрачнее сумерек глядит Йеди-Куле,
Над ним—в тоске безмерной—птицы.
Так помни же о пущенной стреле:
Назад она не возвратится!

КОСТЕР ВОССТАНИЙ.

«I shot an arrow into the air».
Henry Longfellow.

И я пустил стрелу. Не на ветвистом дубе
Ее несломанной хочу найти.
Пускай летит (как хлещет ветер грубый!)
Взрывая страны на своем пути.

Приподнимись, певучесть Гайаваты,
И погляди: Везувий—не земля!
Костром восстаний радостно-крылаты
Великолепные края!

Погибло старое, и мы спешим к пределу—
Гауризанкар крови! Но будет легче жить.
Отдай концы! Товарищи, за дело:
Немного нам осталось переплыть!

КАНАТОХОДЕЦ.

Когда поют, кричат: „Канатоходец!“
Припоминаю портсаидский цирк,
Набитый до-верху народом.
Со мной в галерке дюжий Дирк—
Матрос (а я тогда был юнгой!)
Он знал экватор, точно фермер
Табун любимых лошадей.
И стариков глаза, и юных,—
Все на того, чем шаг размерен.
Канат—аллея из аллей.
Он ходит, словно мы гуляем
По утрамбованной дороге:
Пятьсот пиастров и харчи,
И сердце даже не стучит,
И два клинка бейрутских—ноги,
Когда зевак он забавляет.

За ним—наездница и люди-обезьяны.
Ни дать, ни взять—египетский хедив
Один из них: такой забавный:
Обжорлив, грязен и блудлив.

Антракт! Какой? Минуты две—не больше.
Он на канате вновь. — Саол, Сулo!
И воздух режет, как стекольщик
Податливое стекло.

А господин, владелец лошадей,
Палатки цирковой, скамеек,
Артистов, обезьян, жокеев,
Вещает голосом царей:

Полет над бездной! Вызов смерти!
Канат надрезан пополам!
Желающие, проверьте!
— Мы верим, эфенди Арам!

Вот—капельмейстерская палочка
Повисла в воздухе—и крик
За дальние дворы проник—
К хозяевам гашишных лавочек.

Несчастный! Тешил он зевак,
Но после каждого полета,
Серебряным сверкая потом,
— В последний раз! — твердил: — контракт
Нарушу, убегу и стану
Таскать тяжелые тюки!
Но было то самообманом.

В брезент кровавые куски
Поспешно люди завернули.
Оркестр пытался веселей...
А солнце смуглого июля —
И холодней, и не милей.

Дирк всю дорогу уверял:
— Его крылом задел нечистый!
На море—всплески, резвый вал,
И вздрагивающая пристань.

МЕСТЬ.

Прислала Англия жестокого сардара.
Он,
Нил перегородив,
Обрек на голод их.
Стэк не уйдет от черного удара.
Феллахи!
Славен жданной мести миг.

Семь джум есть,
Что семь лун.
— Ли Стэк? — Месть!—
Стар и юн.

Нил шел вниз,
Гнев—вверх шел.
Нам бы рис,
Соль да шелк.

Ли Стэк—зверь,
Как тигр лют.
Ты не мерь
В герш наш труд!

Все, кто раб,
— Сук бэль галь!
Кто был слаб,
Стань, как сталь!

Гнев, вздуй мех!
Жги, режь, крой!
За честь всех—
Семь пуль взрой!

* * *

Эх, годы—взмыленные кони!
Взмахнуть поводья, свистнуть так,—
Не ожидающий погони,
Свернул чтоб встречный в буерак.

И, вынув шашку, в буйном взлете
Рубить обветренный ковыль.
А солнце смуглой позолотой
Льет удивительную пыль.

И острее звенящей шашки
Блеснет, сверкнет не как нибудь:
Каменья, травы, да букашки,
Все отражает стали грудь.

Со мною рядом ветер мчится,
Задорно гриву теребя.
Нас только две—летящих птицы!
Подруга—жизнь, люблю тебя!

* * *

Руке надоело протягиваться к диксионнеру:
Все какие-то странные слова: —
К е й р и обозначало: с в е т л о-с е р ы й,
И в то же время: г о л о в а.

Раджесса говорила на родном наречьи,
Все мои шестнадцать были ни к чему.
Спрашиваю нежно:—Так когда же встречу?
Но она кивает:—Право, не пойму!—
А синеглазый мальчик-вечер
С собой приносит полутьму.

Раджессин брат пересекал Ламанш,
Ему знаком язык британцев,
Таверен ветренные танцы,
Араб и вихревой апаш.

Он говорит:—Язык наш труден,
И в глубину моей страны
Вам без него пробраться—чудо,
Как лодке через край волны.

Но:
Капля выдолбит гранит
В своем стремлении упорном.
Задуй ненужные огни,
Оставь один —
И памяти ворочай жернов!

* *
*

Слоны, нагруженные хлопком,
Ухлопаны за ожерелье.
Раджесса Рада рукой неробкой
Его каменьев коснулась еле.
А в пароходной черной топке—
Пять кочегаров—за неделю!

Кто, кроме Роя, яму роет
Повелевающим дворцам?
Ворвется в пышные покои—
В сердцах—ножи вонзить в сердца?
И—ни раджей, и—ни раджесс:
Воспоминаний темных лес!

АДИС-АБЕБА.

Л. К. Эйхфусу.

Все: герши, талеры, пиастры и рубли,
Лиретты, лиры здесь перемешались.
Зеленые, коричневые шали
Хозяину премного помогли:
Его торговлю поддержали.

Кто разноцветный гарус купит летом?
Дымится мясо, тлеет чуть жаровня.
Кровь капает, и капли так неровно
Притушенным переливают светом,
Звезда мигающая словно.

Вот, заклинатель Индии далекой
Медянок вызвал. Те покорно ждут:
Опять им спрятаться, познав мешка уют,
Иль под напев туганы однобокой
Протанцовать хоть несколько минут.

Сидит—согнулся весь—старик подслеповатый,
Гадают четки, что немного жить
Ему осталось. Все нервнее нить
Ненужной жизни. Бородою—хлопья ваты—
Едва он может шевелить.

Усталый юноша ведет с собой верблюда,
Зевает как-то странно, нараспев.
Косматой головой—не человек, а лев,—
Трясет-себе среди людского гуда,
К кувшинчику с водой присев.

И, жажду смуглую как-будто утолив,
Приподымается, спеша на серый север.
Гаданьям юноша, как предки, тоже верит.
А вышло: ждет его приветливый залив,
Невеста Гюлькенар, крича, раскроет двери,—
А кос ее коричневый отлив
И счастье принесет, и защитит от зверя!

РЕКРУТСКИЙ НАБОР.

Курчавое озеро Чад
Собирает своих сыновей.
Стали все в ряд и молчат.
Ни звука радости „в е й“!

Плачет косулей жена,
Ветер пустыни—мать.
Горечь своих провожать
Им суждена, суждена!

Суров был французский капрал,
Загнал чернокожих в трюм;
Одно только слово сказал,
Жестокое слово: „ю м“! *)

Много тогда их ушло,
Ни один не вернулся домой!
Жизнь ли взмахнула веслом,
Смерть провела ли косой?

---

*) (Что значит: доверься судьбе,
Покорись, а то я сильней!
Будешь послушен—тебе
Мяса дам пожирней!)

Взгляни на прибрежный тростник:
Чем он не человек?
Совсем головою поник,
Своих потеряв навек!

А когда пароход отходил,
И скрылись ряды могил,
А ветер трехцветный флаг
Сильнее на мачте трепал,—
Капитан сказал:—Капрал,
Вы, прямо, волшебник и маг!

ВОДАНА.

Анне Антоновской.

Далеко Водана. Путь тяжел:
Серый, горячий песок.
Падал верблюд—другой шел,
Тревожа пустыни мешок.
Крепок лед ночью, зной—днем
Тигры стерегли тишину.
Сверкали глаза их бенгальским огнем
Столько ночных минут.
—Су иё!—воды нет!—говорит туарег,
Начальник стражи тот:
Он на каторгу трех человек
Ведет—
За переходом—переход.
Трое—все из разных стран,
Забыли детей, жен.
Бронзовых мыслей ночной караван
Расплавил тиши звон.
—Lenin!—испанец молодой сказал;
—Лэннын!—гортанно—другой.
Туарег понял и замолчал,—
Ружье отшвырнул ногой.

В КИТАЙСКОЙ ШКОЛЕ.

Кюне-Лау.

Ну, что же, бабочка,
Летай!
Пусть учат дети знаки писем:

Ти-ла-о-фу
Ка-ти-ра-ми-ся
Ра-зи-ла-ка
Шань-хе
Дзянь-бай.

Суров и знатен мандарин:
Он целой школой управляет,
И сердится, когда читает,
Хотя бы ученик один,
Слова неправильно. Он строг,—
Велит всем выучить урок.
А шелковое солнце светит
С коричневого утра.

Обрадуются скоро дети:
Желанный близок час—пора
Бежать домой, где чашка риса,—
А тут еще:

Шань-дзе-о
Ми-ся
Ру-зи-ла-ка
Гу-ан
Фу-бай.

Ну, что же, бабочка,
Летай!
Пусть учат дети знаки писем!

Чайные плантации.

АНГОРА.

Стамбул гяуры нынче славят...
Я не гяур, но и не тот,
В мечетях кто моленья плавит,
Поклоны исступленно бьет.

Пою взметенную Ангору.
Энгурие! (то имя ей)
Победная, в мятежном споре
Анатолийских дочерей.

Не там ли волны Чибук-чая
Прорезывают тишину,
Где только храбрых собирая,
Ковал Кемаль войне—войну?

И, отражая смертный натиск,
Рассеяв тучи вражьих сил,
Кто нападенья темной рати
В победном взлете погасил?

Благословенны эти кущи,
Селям! долинам и холмам.
Аскер, своих овец пасущий,
Теперь не платит ресьм-аггнам!

Цвети, страна, зарей багряной!
Кому о прошлом боль остра?
На севере—через туманы—
Твоя подруга и сестра!

ОБ'ЯСНЕНИЯ

некоторых слов, встречающихся в „Чай-Хане".

АМБАЛ—носильщик тяжестей.
БУЛЬ-БУЛЬ—соловей.
ВИЛАЙЕТ—губерния.
ДЖЕЙРАН—горная коза.
ДЖУМА—пятница.
ИРАН-НИШАН—персидская звезда.
ЙЕДИ-КУЛЕ—Семибашенный замок (в Константинополе).
КУЧУК (КУЧИК)—вождь повстанцев сев. Персии (в провинции Гилян).
ЛАЛЛ—мак.
ЛИ-СТЭК—главнокомандующий войсками в Египте, убит студентом в Каире в ноябре 1924 года.
МУДЖАХИД—революционер.
РЕСЬМ-АГГНАМ—налог за овец.
САОЛ!—Будь здоров! Да здравствует!
САРДАР—главнокомандующий.
СЕЛЯМ—привет.
СУК БЕЛЬ (А) ГАЛЬ—Соединяйтесь!.. (дословно: идите быстрей!)
ТАБОР—батальон.
УШАР—подать натурой в размере $^1/_{10}$.
ХАНУМ—госпожа.
ШАИР—поэт.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Тебе, урмийский вилайет 3
Муджахид 4
В мечеть сзывают правоверных 5
Блестит, блестит иран-нишан 6
Моссул 7
Тавро на лошади любимой 8
К Тавризу 9
Персидский чиновник с шафрановым лицом 11
Урмия 12
Смерть военмора Денгроссе 13
Сергею Есенину 15
Замолкли Гюлистана соловьи 17
Сэвгю 19
Наргиле 20
Черных туч караван, караван 24
Ханум присела против ветра 25
В руке шаира прыгает калем 26
Костер восстаний 28
Канатоходец 29
Месть 31
Эх, годы, взмыленные кони. 33
Руке надоело протягиваться к диксионнеру 34
Слоны, нагруженные хлопком 36
Адис-Абеба 37
Рекрутский набор 39
Водана 41
В китайской школе 42
Ангора 44
Об'яснения некоторых слов 46

ПЯТЬДЕСЯТ КОПЕЕК.